

Л.Ф. Хабибуллина
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Казань, Россия

**АНГЛИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ
КОЛОНИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
(ПО ЭССЕ С.МОЭМА «НА КИТАЙСКОЙ ШИРМЕ»)**

Проблема повседневности является предметом преимущественно философских и социологических исследований, и в литературоведческих работах неизбежно при изучении этого вопроса проявляется социологически или психолого-социологический акцент. С этой точки зрения нас привлекают описанные в литературе истории, в которых повседневное не является чем-то нежелательным, скучным, обыденным, а напротив, представляется как привлекательное, желанное, даже спасительное. Таковы ситуации, описанные в колониальной и постколониальной литературе, где представитель метрополии в течение многих лет, а может и всей жизни существует в условиях, если можно так выразиться, «дефицита повседневности» и как умеет, воссоздает ситуацию национальной обыденности в совершенно чуждой ему среде. Именно эти проблемы становятся основными для персонажей-англичан в сборнике эссе С. Моэма «На китайской ширме» (*On A Chinese Screen*, 1922).

В социологии в интересующем нас ключе подходит к описанию феномена повседневности Бернхард Вальденфельс, который предложил несколько аспектов рассмотрения повседневности, первый из которых звучит следующим образом: «Обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания», которым противостоят процессы «преодолевания повседневности»[1:39].

Здесь автор оперирует предложенными М. Вебером формами «оповседневнивания»: «Сюда относится процесс обживания, который принимает формы обучения, освоения традиций и закрепления норм». [1:42]

Данный процесс имеет большое значение в жизни колониста в другой стране, но в то же время имеет свою специфику, так как его существование в «чужом» пространстве становится комфортным не в случае освоения «чужого», а только при условии включения элементов «своего» в иную реальность. «Домашняя» атмосфера английских представительств в Китае и других странах является отличительной чертой, которая упоминается почти во всей английской колониальной прозе, где акцентируется собственный способ существования англичан за границей. В эссе, характеризующих образ жизни англичан в Китае, есть глава, объединяющая два эссе под одним названием. Это глава 6 «Званные обеды», включающая «В стенах посольства» и «В открытом порту». Здесь С. Моэм дает прямые характеристики западному сообществу, представители которого являют собой узнаваемые национальные типы. Так, секретарь английского посольства «восхищался только музыкой, достойной восхищения, и картины ему нравились, только достойные нравиться». [2:23] Во втором эссе акцентируется типично английский характер обеда со всеми атрибутами традиции: «стол красного дерева стонал под тяжестью серебра», «высокие хризантемы в высоких серебряных вазах», «высокие подсвечники», «к каждому блюду подавалось соответствующее вино», «было два главных кушанья: белое и коричневое». [2:24] В то же время подчеркивается основная черта колониальной псевдоанглийской жизни – ее архаичность по отношению к жизни в метрополии, а также неуместность тех правил, которые навязаны принадлежностью к западному миру: «Вечерние костюмы они носили с какой-то неловкостью, словно надевали их из чувства долга перед родиной, а не потому что так было удобнее». [2:25] Такой тип существования, для которого характерно перенесение атрибутов «своего» в чужое пространство представляется тягостным и неуместным: «В целом же для них не составляло существенной разницы, в какой столице оказаться, поскольку существование они вели совершенно одинаковое и в Константинополе, и в Берне, и в Стокгольме, и в Пекине». «Все они надоели друг другу до смерти». [2:25] Эти

неоднократные указания на сосредоточенность европейцев на себе, нежелание узнавать «другого» не дает надежды на преодоление границы между западом и востоком обеспечивает ощущение «провинциальности» английской жизни вдали от центра империи, где происходит «настоящая» жизнь. Таким образом, специфика колониальной реальности состоит в намеренном отказе от процесса «оповседневнивания», от «обживания» пространства, что приводит в эффекту застывания времени, ощущения отсутствия движения, жизни.

Значимо и следующее определение Б. Вальденфельса: «Повседневность — это дифференцирующее понятие, которое отделяет одно явление от другого. Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры». [1:39] В сборнике Моэма значимость границ повседневного, «своего» и экзотического, «чужого» акцентируется в одном из первых эссе, объясняющем название сборника. Ключевым символическим образом становится образ некоего тонкого слоя, разграничивающего два противопоставленных мира – запад и восток. Образ китайской ширмы получает сюжетное обоснование в эссе «Гостиная миледи», где героиня прямо совершает акцию «присвоения» «чужого» или «оповседневнивания» сакрального, покупая небольшой китайский храм и превращая его в английскую гостиную. Здесь задается идеология сборника, где китайская ширма становится символом превращения старинной и богатой культуры в придаток империи с гораздо более скромной историей и культурой, более бытовым мировосприятием, статус великой империи снижается до роли английской провинции, а китайская ширма превращается в атрибут английского провинциального интерьера, созданного на месте памятника культуры: «Разумеется, не лондонскую гостиную это не очень похоже. — сказала она. — Но такая гостиная вполне может быть в каком-нибудь милом английском городке». [2:9-10] Кроме того, она (ширма) символизирует и отношение колонистов к стране, которую они не принимают в глубине души и стремятся превратить в часть Англии: «Ей понадобилась ширма и ничего не

попишешь, пришлось купить китайскую, однако, как она остроумно заметила, ведь и в Англии вполне можно поставить у себя китайскую ширму». [2:9]

Говоря о значимости границы повседневного, Б. Вальденфельс подчеркивает: «На границах хорошо знакомого мира нас подстерегает неизвестное и неожиданное, маня нас и пугая одновременно». [1:42] Эта граница остро осознается героями-англичанами, большинство из которых испытывает иррациональный ужас перед «чужим» миром. Такое неприятие является традиционным в колониальной общине. Так, персонажи эссе со знаковыми названиями «Нормальный человек» и «Чудо-человек», являющиеся своего рода «столпами» колониального сообщества, демонстрируют все черты национального характера и приверженности английскому образу жизни, невзирая на долголетнюю разлуку с родиной. Первый герой, Бобб Уэбб, любитель скачек, тенниса и бриджа, обладатель приятных манер, разнообразных интересов и мягкого юмора, обречен жить в разлуке с семьей. Автор иронически обыгрывает эпитет «нормальный», так как его нежелание ни ассимилироваться, ни уехать в Англию далеко от «человеческой» нормы, но соответствует английской колониальной норме. Второй персонаж также продолжает вести образ жизни англичанина, не желая порывать связей с родиной, он прожил в Китае тридцать лет, но ненавидит страну, не знает китайского и никогда не ходит в китайскую часть города, но может часами говорить о Лондоне, зная все музыкальные комедии за последние двадцать лет. [2:199-200] Ненависть к «чужому» может проявляться не сразу, так, в эссе «Тайпан» приверженность родине, где у героя никого не осталось, проявляется лишь с появлением мыслей о смерти и страхом умереть на чужбине.

Принятие «чуждого» становится для персонажей-англичан результатом тяжелых и во многом противоестественных усилий над собой, повседневность для них ассоциируется только со «своим» миром. Англией, а Китай остается чужим и экзотичным. Проникновение «чужой» обыденности в «свое» пространство может обозначаться через «смешанный» интерьер или костюм,

но значение таких проникновений в каждом эссе своеобразно и бывает связано как с отторжением «чужого», так и с ассимиляцией в иной мир. Так, в эссе «Страх» рисуется образ миссионера, который внешне демонстрируя лояльность по отношению к Китаю («На полу лежал китайский ковер. На желтых стенах висели китайские картины». [2:40] «Он подробно остановился на добром характере китайцев, на их почитании родителей и любви к своим детям» [2:43]), в глубине души испытывает отвращение к своей участи миссионера и стране, в которой находится: «он ненавидел китайцев ненавистью, по сравнению с которой неприязнь его жены была пустяком». [2:45] Интересно, что сопоставляя миссионера «джентльмена», с его женой «не-леди», вульгарной женщиной, Моэм подчеркивает, что более тонкая душевная организация мужа лишь усиливает его тоску по тому, что для англичанина его класса составляет повседневную жизнь: «любимая работа, приятное общество, книги, каникулярные поездки во Францию и Италию» [2:45], и заставляет с одной стороны глубже прятать свои страдания, с другой – усиливает их, приводя к тому самому стоическому и часто трагикомическому типу жизнеустройства, который характеризует национальный кодекс англичанина: «он, бесспорно, старался держаться любезно, но за всем этим пряталось усилие». [2:42]

Важную роль в специфике воссоздания мира повседневного играет позиция автора; как отмечает Вальденфельс: «Речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью в повседневной жизни. Во всех теориях об обыденной жизни возникает вопрос о месте теоретической речи. Кто и откуда говорит об обыденной жизни? О какой повседневности он говорит, о своей собственной или о повседневности кого-то другого?» [1:40]. Позиция автора здесь особая – это позиция «из обыденного в экзотическое». Рассказчик – путешественник по Китаю, его идеологическая позиция практически совпадает с авторской; в отличие от своих героев, он не задержится в колонии, но разделяет чувства многих из своих персонажей. Как и

для них, Китай для рассказчика – непознаваемый мир экзотики и тайны с одной стороны и неустроенности и нищеты – с другой. В этом контексте наиболее желанной становится ситуация возвращения в «свой» мир, в обыденность английской жизни. Реконструкция этой желаемой ситуации происходит в главке «Дождь», функционирующей как лирическое отступление. Здесь «безрадостная» реальность китайской жизни обрамляет воспоминание о лондонской «уютной» жизни: «Дождь барабанит в окна, но делает комнату только еще теплее. Вы сидите у огня с трубкой в зубах и читаете «Таймс» ничего не пропуская». [2:95] В английской реальности Китай – предмет научных изысканий и источник экзотических предметов, дождь – приятный фон для ученых занятий и светской жизни, которые и составляют основу повседневности англичанина класса рассказчика.

Тоска по родине для англичанина во многом выражается в тоске по любимым удобствам и мелочам обыденной жизни. Эта значимость повседневного-бытового в жизни англичанина подчеркивается практически в каждом эссе и утверждается и на авторском уровне через подробнейшие характеристики бытовых условий жизни колонистов («Столовая»), и на уровне сюжетов, в которых чаще всего предметом изображения становятся бытовые ситуации из жизни колонии.

Оппозиция Англия-Китай тождественна в авторском восприятии оппозиции жизнь-смерть, где привычные радости национальной повседневности эквивалентны жизни («Так хорошо ощущать себя живым!» [2:97]), а экзотический, не становящийся привычным для большинства англичан мир Китая ассоциируется со смертью (главы «Городские достопримечательности», «Тайпан»).

Литература:

1. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности //Социо-Логос: Пер. с англ., нем., фр. М.: Прогресс, 1991, с. 39-50. URL: <http://ec-dejavu.ru/d/Daily.html>.
2. Моэм С. На китайской ширме / пер. с англ. И. Гуровой, Изд. АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 222 с.

